

Штурм над Памиром

Эмиль Лесюта

18+

Эмиль Лесюта

Штурм над Памиром

<https://litres.ru/73986094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Группа спецназа ГРУ, отправленной в самое сердце Памира в конце 80-х, в период нарастающей нестабильности в Афганистане и соседних республиках. Отряду под командованием Виктора Захарова с позывным "Шерхан" поставлена практически невыполнимая задача: обнаружить и уничтожить караван с оружием, направляющийся из Пакистана в Таджикистан для поддержки исламистских группировок, а также спасти пропавшую группу.

Содержание

Глава 1. Тревога	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эмиль Лесюта

Штурм над Памиром

Глава 1. Тревога

Утро на базе начиналось одинаково — в пять сорок пять, когда над плацем ещё висел молочный туман, а сапоги уже хрустели по мёрзлой траве. Захаров вышел на пробежку первым, как всегда. Восемь километров по периметру, потом турник, потом полоса препятствий — не потому что положено, а потому что тело без нагрузки начинало думать. А когда тело думало, голова отдыхала. Этого он себе позволить не мог

База жила своим скрипучим, отлаженным ритмом. Лязг железа в спортзале. Короткие команды на стрельбище. Запах оружейного масла и мокрого брезента

В половину девятого дневальный догнал его у оружейки — Товарищ майор. Вас к полковнику. Срочно

Захаров молча кивнул, не меняя шага. Слово «срочно» на базе означало ровно одно: кто-то где-то уже наделал беды, и теперь эту беду нужно было исправить чужими руками.

Кабинет Стрельцова располагался на втором этаже штабного корпуса — обшарпанного, пахнущего сыростью и советской краской. Захаров не стучал. Зашёл, прикрыл дверь,

встал у порога.

Стрельцов стоял у окна, спиной к двери. Руки за спиной, плечи опущены — так он всегда стоял, когда информация была плохой

— Садись, — сказал полковник, не оборачиваясь

Захаров сел. На столе лежала папка с красной полосой по краю. Гриф он читать не стал — и так понятно.

— Три дня назад в Памире пропала наша группа, которая пыталась перехватить караван с оружием, следовавший по маршруту от Пакистана в Таджикистан — полковник Стрельцов наконец повернулся. Лицо серое, под глазами темно. — Пятеро. Контакта нет вторые сутки. Последний сигнал — квадрат семь-четыре. Дальше тишина.

Захаров взял папку. Открыл. Фотографии — спутниковые снимки, зернистые, с координатной сеткой. Топографические листы с карандашными пометками. Личные дела пятерых. Он знал троих из них лично.

— Состав группы мой? — спросил он, не отрываясь от снимков.

— Твой, — сказал Стрельцов. — В разумных пределах.

Захаров закрыл папку. Восемь лет назад он вот так же сидел в похожем кабинете, только в другом городе, и слушал похожий брифинг. Тогда тоже говорили «в разумных пределах». Тогда из шести человек вернулись четверо. Он всё ещё помнил, как объяснял это семьям. Слова кончались примерно на третьей минуте, и дальше оставалось только молчать

рядом.

— Вопросы? — спросил полковник.

— Пока нет, — сказал Захаров и встал. — Будут после того, как прочитаю.

Стрельцов кивнул и снова повернулся к окну.

Захаров вышел из кабинета с папкой под мышкой. В коридоре было пусто — только гудел где-то в стене старый трансформатор. Он спустился на первый этаж, нашёл свободную комнату для инструктажей, запер дверь изнутри.

Разложил материалы на столе. Сел. Начал читать методично, страница за страницей, так, как учили когда-то давно, — сначала общая картина, потом детали, потом снова общая.

Детство Захарова прошло в маленьком сибирском посёлке, где суровая природа закалила его характер. Рос без отца, рано узнал цену труду, помогая матери по хозяйству. Мать, простая сельская труженица, вложила в сына понятия чести, справедливости и любви к Родине. Несмотря на трудности, она находила время для бесед с сыном, прививая ему любовь к чтению и рассказывая истории о героизме русских солдат. Эти рассказы будоражили воображение юного Захарова и формировали его мечты о подвигах.

Захаров стоял у окна медпункта, глядя на хмурое небо. Мысли невольно унесли его в далёкое детство — в тот самый сибирский посёлок, где он впервые узнал, что такое настоящая жизнь.

Он отчётливо помнил морозные утра, когда, ещё толком

не проснувшись, натягивал валенки и выходил во двор. Мать уже была на ногах: топила печь, кормила скотину, готовила завтрак. «Вставай, сынок, — говорила она, заметив его сонный взгляд. — День не ждёт. У каждого своя работа, и у тебя тоже».

Работа была тяжёлой для мальчишки: наколоть дров, принести воды из колодца, помочь с кормлением животных. Но мать никогда не жалела его, хотя в глазах её всегда светилась любовь. Она учила его не просто выполнять обязанности, а делать это с душой, с пониманием, что от твоего труда зависит благополучие семьи.

Особенно запомнились вечера, когда вся работа была сделана. Мать садилась у лампы, брала в руки вязание или шитье, а он устраивался рядом с книгой. Сначала это были сказки, потом — книги о путешествиях, а позже — толстые тома про русских полководцев. Она не просто давала ему читать, а обсуждала прочитанное, задавала вопросы: «А как бы ты поступил на месте Суворова? Почему Кутузов решил оставить Москву? Что такое настоящий подвиг?»

Однажды, когда Захарову было лет двенадцать, они с ребятами нашли в лесу старый снаряд — ржавый, покрытый мхом. Кто-то предложил его расколоть, посмотреть, что внутри. Захаров, вспомнив мамины слова о том, что смелость — это не безрассудство, остановил их: «Нельзя. Это опасно. Мы не знаем, что там». Мальчишки посмеялись над ним, но он стоял на своём. Позже он узнал, что снаряд дей-

ствительно мог сдетонировать.

Мать тогда похвалила его: «Ты поступил правильно, сынок. Смелость — это ещё и ответственность. За себя, за других».

Редкие визиты деда, старого фронтовика, добавляли в жизнь Захарова особый калорит. Дед, немногословный и суровый был кладезем мудрости и жизненного опыта. Он учил юного Захарова выживать в дикой природе, ориентироваться по звездам и беречь каждую мелочь. От него Виктор и узнал о войне не из книг, а из первых уст, что укрепило его желание служить Отечеству.

Пока группа продвигалась вдоль русла, мысли Захарова невольно унесли его в детство — к тем редким, но памятным дням, когда в их маленький сибирский дом приезжал дед.

Дед появлялся неожиданно — обычно поздней осенью, когда первые морозы уже сковывали землю, но снег ещё не ложился плотным ковром. Высокий, сутуловатый, с морщинистым лицом и пронзительными серыми глазами, он сразу наполнял дом особой атмосферой — смесью строгости, мудрости и той тихой силы, которую Захаров позже научился распознавать в настоящих людях.

«Виктор, — говорил дед, входя и снимая потрёпанную шинель, — запомни: в лесу нет мелочей. Каждый след, каждый сломанный сучок — это чьято история. Научись читать её».

Они уходили в тайгу на несколько дней. Дед учил его: ори-

ентироваться по звёздам и мху на деревьях; разводить костёр из сырых веток; ставить силки на мелкую дичь; находить воду по поведению птиц; читать следы зверей и понимать, кто прошёл здесь час назад, а кто — неделю.

Однажды, когда Захарову было лет двенадцать, они попали в метель. Видимость упала до нескольких метров, ветер сбивал с ног. Мальчик испугался, но дед спокойно сказал:

— Не бойся. Смотри на склон — видишь, как ложится снег? Он всегда с подветренной стороны гуще. А вот эти камни — они лежат так, будто кто-то их специально выстроил. Это не природа, это человек проходил. Идём туда.

Через час они вышли к охотничьей избушке.

— Видишь, — сказал дед, разводя огонь в печи, — природа всё подсказывает. Надо только уметь слушать. В бою так же: враг может молчать, но его шаги, тени, даже запах дыма — всё говорит. Главное — не паниковать и замечать детали.

Особенно запомнились вечера у костра, когда дед, помолчав, начинал рассказывать о войне. Не о подвигах и наградах, а о простых вещах: как делили последний сухарь на пятерых; как спали в окопах, прижавшись друг к другу, чтобы не замёрзнуть; как один разведчик спас роту, заметив замаскированный пулемёт за полчаса до атаки; как важно доверять тем, кто рядом, потому что в бою ты жив только тогда, когда жив твой товарищ.

— Война — это не только стрельба, — говорил он. — Это терпение. Это умение ждать. Это способность думать на шаг

вперёд. И ещё — ответственность. За себя, за тех, кто рядом, за то, что ты делаешь.

Захаров впитывал эти слова, как сухая земля — дождь. Позже, уже став офицером, он не раз вспоминал деда, когда приходилось принимать сложные решения.

Эти уроки он пронёс через всю жизнь. И сейчас, глядя на раненого Конева, он видел в нём отголоски собственного детства — человека, который привык полагаться только на себя, но при этом умеет думать о других.

— Товарищ майор, — голос капитана Орлова вырвал Захарова из воспоминаний. — Вы хотели поговорить с участниками выезда. Они ждут в штабе.

Захаров кивнул, ещё раз бросил взгляд на Конева. Тот, казалось, задремал, но губы чуть дрогнули в улыбке, будто он знал, о чём думает его старший товарищ.

— Идите, — тихо сказал Захаров Орлову. — Я сейчас подойду.

Он подошёл к койке, на мгновение положил руку на плечо сержанта. Конев приоткрыл глаза, кивнул — без слов, но Захаров понял: тот чувствует поддержку.

Выходя из медпункта, Захаров ощутил, как в груди разливается твёрдая уверенность. Он не подведёт этого парня. Как когда-то его мать не подвела его — научила быть человеком, а не просто солдатом.

«Нужно добиться перевода Конева в учебный центр, —

решил он. — Пусть передаст опыт молодым. А пока — организовать лучшие условия для реабилитации. И проследить, чтобы с него не спускали глаз — такие, как он, слишком склонны брать на себя слишком много».

Воздух на улице был свежим, колючим — типично сибирским. Захаров глубоко вдохнул, расправил плечи. Гдето внутри, под слоем опыта и суровых будней, всё ещё жил тот мальчишка, который учился отвечать за свои поступки. И именно этот мальчишка сейчас подсказывал ему, как поступить правильно.

Захаров поймал себя на том, что смотрит не в документы, а куда-то поверх них. Дед умер, когда ему было шестнадцать — зимой, тихо, во сне, будто просто устал. Виктор тогда не плакал. Стоял у гроба и думал, что теперь некому объяснить, зачем всё это нужно. Объяснение пришло позже — не словами, а тем ощущением, которое возникает, когда знаешь: ты единственный, кто может.

Он потряс головой и снова опустил взгляд на снимки.

Квадрат семь-четыре. Высота около четырёх тысяч. Хребет, который зимой не прощает ошибок. Пятеро суток — уже не трое, если считать честно.

Он взял карандаш и начал обводить возможные маршруты. Работа вытесняла остальное — всегда вытесняла. На это он и рассчитывал.

Три маршрута из пяти он отмёл сразу — не по интуиции,

а по рельефу. Северный склон в это время года представлял собой сплошной лёд под тонким слоем снега, идти там с грузом означало умирать медленно и предсказуемо. Восточный упирался в пакистанский сектор, а лишних осложнений никто не просил.

Остались два. Он долго смотрел на оба, потом обвёл левый — тот, что шёл через старое пастбище и выводил к скальному поясу с юга. Там было где укрыться. Там была вода, если знать, где искать под снегом. Туда бы он сам отошёл, если бы что-то пошло не так.

Захаров отложил карандаш, откинулся на спинку стула. Личные дела лежали отдельной стопкой. Он потянул верхнее. Сержант Конев, двадцать шесть лет, Рязань. Фотография стандартная, казённая — взгляд прямой, челюсть сжата. Захаров такого не помнил лично, но лицо было из тех, что запоминать незачем: надёжное лицо, рабочее.

Захаров перевернул страницу. В деле Конева почти не было личных деталей — только сухие строчки: школа в Рязани, срочная служба, контракт, курсы сапёров. В графе «ближайшие родственники» — прочерк. Захаров задержал взгляд на строчке «специальность: сапёр». Пальцы невольно коснулись шрама на запястье — память о прошлогоднем выезде, когда рядом с ним сдетонировал старый фугас. Он закрыл папку и положил её обратно в стопку. Следующий.

Но что-то не давало отпустить это дело. Захаров откинулся на спинку стула, потер переносицу. Лицо Конева, такое

обычное и надёжное, всё ещё стояло перед глазами. Он потянулся к папке, снова достал фотографию. Взгляд прямой, челюсть сжата — как у всех, кто знает, что такое ответственность. Но в глубине глаз читалось что-то ещё. Усталость? Решимость?

Захаров достал из ящика стола блокнот, открыл на чистой странице. Написал сверху: «Конев, сержант, 26 лет». Подчеркнул. Рядом поставил знак вопроса.

В дверь постучали.

— Войдите, — бросил Захаров, не поднимая головы.

На пороге появился лейтенант Смирнов, его помощник. В руках — стопка свежих рапортов.

— Товарищ майор, сводка по вчерашнему выезду. И — Смирнов замялся, — ещё одно сообщение пришло. По группе «Север».

Захаров поднял взгляд. «Север» — это как раз те, куда входил Конев.

— Говори, — коротко приказал он.

— Сегодня утром при разминировании произошёл инцидент. Один из сапёров получил ранение. Пока подробности скудные, но — Смирнов помедлил, — в списке группы числится сержант Конев.

Захаров резко выпрямился. Сердце на мгновение сбилось с ритма. Он взял из рук лейтенанта бумаги, быстро пробежал глазами. Да, там было имя Конева. И короткая приписка: «Состояние стабильное, но требуется эвакуация».

Он встал, отодвинув стул.

— Подготовь машину. Я еду на базу «Север».

Смирнов вскинул брови:

— Но, товарищ майор, это не ваша зона ответственности
Захаров уже надевал куртку.

— Теперь моя. — Он взял со стола папку с делом Конева, сунул в портфель. — И найди мне все данные по вчерашнему выезду. Всё, что есть.

Через десять минут машина уже мчалась по разбитой дороге к базе. Захаров смотрел в окно, но видел не мелькающие деревья, а фотографию Конева: прямой взгляд, сжатая челюсть. «Держись, парень, — мысленно произнёс он. — Я уже в пути»

Машина мчалась по разбитой дороге, подбрасывая пассажиров на ухабах. Захаров вцепился в ручку над окном, взгляд его был прикован к мелькающему за стеклом пейзажу — голые деревья, серые поля, редкие домики на горизонте. В голове крутились обрывки информации из дела Конева: «26 лет Рязань сапёр прочерк в графе родственники».

— Товарищ майор, — нарушил молчание водитель, сержант Петров. — Может, всё не так плохо? В сообщении же сказано — состояние стабильное.

Захаров кивнул, но ничего не ответил. Он знал, что «стабильное» может означать что угодно: от царапины до тяжёлой травмы с непредсказуемым исходом. Пальцы снова непроизвольно коснулись шрама на запястье.

Через полтора часа они добрались до базы «Север». У ворот их уже ждал капитан Орлов, командир группы. Лицо у него было осунувшееся, под глазами залегли тёмные круги.

— Товарищ майор, — козырнул он. — Рад, что вы приехали. Пройдёте в медпункт, Конев там.

Они быстро прошли по территории базы. Захаров замечал детали: напряжённые лица солдат, следы спешной работы на полигоне, свежие отметины от взрывов на дальнем краю учебного поля.

В медпункте пахло антисептиком и железом. На койке у окна лежал Конев. Лицо бледное, перебинтованная рука покоится на груди. Но глаза — те же, что на фотографии: прямые, спокойные, с той же внутренней решимостью.

— Сержант Конев, — произнёс Захаров, подходя ближе.

Конев попытался подняться, но поморщился от боли.

— Лежите, лежите, — остановил его Захаров. — Доложите, что произошло.

Конев сделал глубокий вдох:

— Мы работали на участке три-семь. Обнаружили старый фугас, времён ещё ну, вы понимаете. Я начал разборку, всё шло по инструкции. Но когда снимал верхний слой грунта, что-то щёлкнуло. Успел отбросить напарника в сторону, а сам — он кивнул на перебинтованную руку. — Взрыв был слабый, видимо, детонатор почти истлел.

Захаров внимательно слушал, отмечая детали. В рассказе Конева не было ни капли самолюбования, только сухая кон-

статация фактов.

— Напарник в порядке? — уточнил Захаров.

— Да, товарищ майор. Рядовой Михайлов, цел и невредим.

Захаров подошёл ближе, сел на стул рядом с койкой.

— Почему в деле прочерк в графе «родственники»? — спросил он неожиданно.

Конев на мгновение замялся, потом ответил:— Родители погибли, когда я был ребёнком. Воспитывался в детдоме. Других родных нет.

В палате повисло молчание. Захаров посмотрел на молодого сапёра по-новому — теперь он понимал, откуда эта внутренняя стойкость: человек, который привык полагаться только на себя.

— Вы поступили правильно, сержант, — твёрдо сказал Захаров. — Спасение товарища — это и есть настоящий воинский долг. Как рука?

— Терпимо, — улыбнулся Конев. — Врачи говорят, два-три месяца — и снова в строй.

Захаров встал, положил руку на плечо сержанта:

— Отдыхайте. Я прослежу, чтобы вас перевели в госпиталь с лучшими условиями. А когда поправитесь у меня будет к вам разговор.

Выйдя из медпункта, Захаров остановился, посмотрел на хмурое небо. В голове уже складывался план: добиться перевода Конева в более безопасную часть, помочь с реабилита-

цией, может быть, даже поспособствовать в получении образования после службы. Этот парень стоил того, чтобы о нём позаботиться.

— Капитан Орлов, — обратился он к командиру группы, — подготовьте мне полный отчёт по инциденту. И соберите всех, кто был на том участке. Хочу поговорить с каждым лично.

Орлов кивнул:

— Будет сделано, товарищ майор.

Захаров ещё раз бросил взгляд в сторону медпункта. Что-то подсказывало ему,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.